

Начало этой истории выглядело совершенно буднично, не было ничего необычного. Выехали с сыном на рыбалку на Вуоксу, забастовал двигатель у катера. В топливной системе оказалось масло, пару часов двигатель даже не чихал, а «японцы» сделаны очень неплохо, разобрать их довольно сложно, тем более что до этого он ни разу не отказывал. Но после последней рыбалки, при выгрузке из него вытекло немного масла, пришлось затирать пол. Хотя перевозился штатно, как обычно. В общем, пока возились, подъехала компания, в которой оказалось несколько шапочно знакомых товарищей, таких же любителей рыболовов-охотников, с которыми уже доводилось пересекаться в течение нескольких лет. У них нашлись новые свечи и новый фильтр к «Ямахе», а карбюратор к этому времени я уже сам промыл и прочистил. Мотор запустился, поддымливал и подчихивал, недобирал мощности, но сил до черта, катером добрались до острова, где сын занялся лагерем, а я продолжил ремонт и неполную разборку «Ямахи». Прокалил «старые» свечи, промыл всю топливную систему, насосом

продул заново карбюратор, двигатель заработал как часы.

Собираясь на рыбалку, не стоит пренебрегать остальными видами питания, так что с собой было много шашлыка из барашка, несколько дней лежащего в маринаде из очень кислого вина «Каберне-Совиньон» из трехлитрового тетрапака.

Мужики остановились неподалеку, у них дымил костер, хорошо различимый с нашего острова. Решил отвезти им шашлыков и вернуть то, что брал у них на пристани. Захватили с собой упаковку «Хейнекена». В общем, от нашего стола — вашему столу. Плюс по дороге на блесну хороший судачок хапнул. Двух человек из троих до этого я уже встречал, еще когда лесничество функционировало как лесничество. Третьего я видел впервые. Тогда мы несколько дней жили в соседних комнатах, вполне нормальные ребята, один инженер-строитель, второй каким-то бизнесом занимается. Третий оказался писателем-историком. Свято верил в Аркаим, в особую роль славян в мировой истории, в шаманизм и прочую ерунду. В общем, сын стогнял на катере за мангалом и углем, и уже открытой бутылкой с шашлыком (я шашлык для выездов на рыбалку и охоту в шестилитровых пластиковых бутылках мариную и перевожу). И мы остались у гостеприимных соседей на ужин.

Про шаманизм и прочие заносы третьего мужика узнали чуть позже, когда уговорили первую порцию отличнейшей баранины. Делать такой

шашлык долго, все пленочки необходимо снять до того, как он в вине окажется, и следить за его состоянием на мангале, для чего у нас с собой был небольшой аккумулятор с 12-вольтовой лампочкой на светодиодах. У шамана-писателя оказалась десятилитровая канистра с каким-то «чемергесом». Я крепкое практически не употребляю, сын даже пива не пьет, но «за компанию и жид удавится». Пару глотков, чтобы не обижать хозяев, я сделал. Разошлись по островам около часа ночи, вдосталь наспорившись об Аркаиме, выслушав море рассказов о случаях на рыбалках, довольные и сытые. Улеглись спать, планируя подняться на зорьке и разбежаться по протокам.

...Но проснулся я от боли в ноге, страшного грохота, трескотни незнакомых пулеметов и воя сирен. Лежу под обломками какого-то строения. Тут же поцарапал лоб о какие-то гвозди, рукой загнул их в сторону, чтобы больше не царапались. Правую ногу зажало какой-то упавшей балкой и столом, судя по тому, что я смог ощупать. Везет мне на заваливание! Еще с ташкентского землетрясения! И все время именно правая нога попадает в ловушку. Особенно приятно было в Тикси, где курсант-водитель вывернул нас на «уазике» в небольшую лужу в кювете. А «козлик» передним сиденьем прижал ногу к дну какой-то лужи. Чуть не утонул в 20 сантиметрах воды. Один нос торчал из нее. Но там у меня был кроссовок, который так и остался под машиной, а я успел вылезти

до того, как она полыхнула. Инструктора я тогда успел вытащить, а курсанту уже было все равно. Здесь тоже что-то горит, надо выбираться побыстрее, а не получается: на ногах какие-то «гады» со шнуровкой, нога из ботинка не вылезает. На боку на ремне оказался нож, с помощью которого я разрезал шнурки и смог вытащить ногу из-под стола. Но «свободы» я так и не получил: только ползком, да еще и пожар приближается. Дополз до какого-то отверстия в полу, чуть расширил его и пролез ниже, в подвал. Лучше бы я этого не делал! Дыру пробила неразорвавшаяся бомба, рядом с которой приземлился и я. Ощупал ее руками, понял, что попал, как кур в ощиц, обнаружил в кармане коробок спичек, а справа пробивавшийся свет. Чиркнул спичкой: мать моя женщина! Склад боепитания! Здравствуй, жопа, Новый год. Сейчас эта хреновина от первой же искры начнет детонировать.

А пожарчик наверху продолжал разгораться. Выход преграждала металлическая дверь, а свет пробивался через отверстие в стене фундамента. Там, по всей видимости, что-то крупное рвануло, бетон был сильно выкрошен. У входа, как положено, противопожарный щит, есть лом и кирка. В бешеном темпе начал выковыривать из стены куски бетона, расширяя небольшую дыру. Всё, протиснуться можно, подтащил несколько ящиков, чтобы было удобнее. В этот момент обратил внимание на то, что звуков боя не стало. По времени прошло полтора часа. Со стороны дыры

слышны голоса по-немецки, короткие злые команды. Раздалось несколько одиночных выстрелов. При тусклом свете, пробивавшемся через отверстие, я посмотрел на себя и обнаружил, что на мне гимнастерка, а не камуфлированный комбинезон-«цифра», в котором я поехал на рыбалку, на поясе нож и кобура, а на рукаве — повязка «Дежурный по отряду». В кобуре — «тульский-токарев», а на петлицах — «пила». Брюки я умудрился разорвать, когда в дырку проваливался. Так что попал я крепко, выхода наверх нет. Сиди в подвале и жди, когда сдетонирует бомба и боеприпасы. В плен мне совсем не хочется, начитался. Интересно, почему дверь в склад закрыта?

Подъехали несколько машин, еще разделись команды, последовали рапорты, из которых я понял, что бой за заставу был тяжелым и у немцев большие потери на переправе через реку. Их выручили «штукас». Им дали команду на погрузку, а какому-то обер-фельдфебелю поручили здесь все сжечь. Грузовики зашумели и уехали, а я понял, что сейчас предстоит стать «цыпленком табака», и выполз через проделанное отверстие в воронку от авиабомбы. Два «Zundapp», один водитель возле них, где остальные и сколько их — неизвестно. Я снял второй ботинок еще в подвале. Чуть в стороне довольно громко зашипело, видимо, из ранцевого огнемета что-то поджигают. Как назло, нога довольно сильно болит. Выручило то обстоятельство, что где-то в стороне еще кто-то

живой остался и там вновь начался бой, под шумок я успел свалить водителя и проковылял в сторону от развалин. Но бой был коротким. Появилось трое немцев, которые несли четвертого. И в крайне удобном ракурсе! Бак их огнемета мне был отлично виден. У меня 15 патронов, трава и небольшое бревнышко в качестве упора. Удобно расположив рукоять на подставке, я дождался их небольшой остановки и первым же выстрелом поджег бак, второй достался пулеметчику, а два следующих — автоматчику. Хромая, добрался до мотоциклов, надо уносить ноги, уехавшие немцы могли вот-вот вернуться.

Один из мотоциклов был без коляски, второму я перерезал шланг и поджег его. Пулеметик мне не достался, он в огонь попал, да и хрен-то с ним. Ехал я недолго, потому, что местности я не знал. Доехал до опушки леса, там бросил «цундапп», не забыв опустошить обе сумки. На спине у меня болтался ранец водителя. Предстояло выяснить: где я нахожусь и что делать дальше. Через двести метров вышел к болоту. Примерно определился по сторонам света. В карманах у старшины даже компаса не было. Если встать на север, то справа слышен шум дороги. Вспомнил, что немцы говорили о реке Неман, через которую они переправлялись и на которой понесли существенные потери. Но конфигурацию границы тех времен я не помнил совсем. Местность сильно пересеченная, но есть проселок через лес, так что задерживаться здесь было совершенно невыгодно. К сожалению,

нога не давала возможности быстро передвигаться. На юге шел бой, на севере — тоже. Выходить к «своим» совершенно не тянуло. Во-первых, я не в курсе, кто я и где я, кем был до этого, где служил и тому подобное. Во-вторых, ранения у меня нет, а то, что здорово прищемило ногу, не освобождает от ответственности, заживет и никаких следов не останется. Если это та самая Великая Отечественная, то через шесть дней немцами будет взят Минск. А это в 280 километрах от границы. С такой ногой мне туда не дотопать за это время. Местных уставов я не знаю, весь мой армейский опыт из другой, Советской армии. Я — ряженный. Проколюсь на первых же словах. Делать нечего, начал городить себе лапти-чуни из бересты, использовал немецкие портянки, найденные в «цундаппе». У старшины имелась иголка с ниткой, так что прихватил и разодранные штаны. Ногу «замочил» в небольшом ручье, съел пару галет из немецкого пайка. Зря патроны не прихватил со склада, но там темно было, и на глаза 7,62×25 не попадались. Так что осталось всего 11 патронов. Водитель был вооружен карабином, который мне бы только мешал, когда я драпал через кусты на этом чуде техники. Но патроны к карабину имелись. Бог с ним, при желании раздобыть еще успеем. Основные бои шли севернее и южнее тех мест, где я находился. Там гремела артиллерия, я пока не различаю, чья работает. В лесу душно, место здесь довольно влажное, а температура воздуха высокая. Часы показывают 11.45 московского

времени. Главное, не забыть их заводить, эта привычка у меня начисто отсутствует.

Закончив сооружать чуни, двинулся на восток. Предстояло форсировать шоссе неподалеку, если такая возможность будет предоставлена. Пройдя километра три, я увидел и услышал шоссе. Там битком немецкая техника и пехота, движется в обоих направлениях. Танки идут на юго-запад, пехота на северо-восток. За шоссе — чистое поле с несколькими сгоревшими легкими танками. Севернее виден лес, с юга его нет. От греха подальше забрался обратно в гущу леса и потопал вслед за немецкой пехотой на северо-восток. Там дождусь ночи и попытаюсь перейти эту грунтовку. Лес густой, с хорошим подлеском, чуни позволяют идти практически бесшумно, но большую скорость мне и не развить. Плюс осматриваться и прислушиваться требуется, вспоминать свою былую первую армейскую специальность: разведчик-диверсант 1-го класса. Оказалось, не зря я это делал: на одной из полянок расположился пост жандармерии. Самих жандармов не было, стояла полевая кухня и несколько солдат руководили пленными красноармейцами, которые помогали немцам строить импровизированную столовую. Солдаты были без жетонов на груди. Возможно, что эту прибуду жандармы надевают только тогда, когда находятся на посту. Разбираться я не стал, обошел это место. Связываться с противником, имея всего одиннадцать выстрелов, было совершенно не интересно. Шоссе я перешел совершенно свободно

в полукилометре от этой «столовой». В движении возникла какая-то пауза, скорее всего, связанная с обедом. Углубившись в лес, двинулся на юго-восток, там виднелся неплохой лес. Север меня не привлекал, я уже немного сориентировался на местности, по обрывкам разговоров как немцев, так и пленных красноармейцев: на севере — Литва, Друскеники, а это — Западная Белоруссия. Лес на этой стороне дороги был болотистый, но я не стал рисковать, памятуя о том, что рассказывал мне отец про его отступление из Кейдан. В селе, появившемся через несколько километров, хозяйничали немцы, и я повернул на юг, стремясь попасть в более или менее сухой лес. Обогнув село, попал наконец-то в приличный и довольно сухой лес, справа было большое болото. В километре от села обнаружил хутор из двух домов, но заходить не стал. Эти места еще недавно были Польшей. Это — Западная Белоруссия, и как хуторяне относятся к бойцам НКВД, я не знал, а рисковать не хотелось. Немного понаблюдав за хутором, пересек проселок и углубился в лес, где и сделал остановку. Впереди — железная дорога, ведет из Гродно в Вильнюс. Боев на этой территории не было, а с моей пукалкой много не набегаешься. Требуется более серьезное оружие. Его придется искать или захватывать. Небольшой остров среди болот стал моим временным убежищем. Утро вечера мудренее.

Увалился в небольшую ямку, предварительно нарвав травы, наломав веток. Они станут моим

одеялом и матрасом. Очень хотелось курить, но это вредная привычка и придется от нее отказаться, по крайней мере до того, как найду способ и место, где этот табак можно будет найти. Спички у меня имелись, но либо старшина держал свой табачок в столе, либо был некурящим, как тот немец водитель, чей ранец я положил под голову. Впрочем, указательные пальцы старшины были прокурены. Интересно, где ж его документы? И почему я до его памяти достучаться не могу? Но вариант был абсолютно нулевой, в мозгах не сохранилось абсолютно ничего, все, что имею — мое собственное. Это — ужасно! Путь на восток для меня закрыт полностью и целиком. И надо отойти от этих мест подальше, неизвестно чем он занимался в отряде, ведь не просто так старшину назначают дежурным. Еще один вопрос, который меня волновал: что со мной произошло и где сейчас сын? Будем надеяться, что у него все в норме, «чемергеса» он не пил, с шаманом на исторические темы не спорил. Водить катер и машину умеет, доверенность есть. Судя по всему, все документы остались там, на озере, на Вуоксе. Довольно долго размышлял: что из имеющегося можно съесть сегодня, тем более что протопал довольно много, к середине дня нога начала понемногу двигаться, хотя и стала вся синяя на стопе. В открытой банке, с надписями на французском, оказалось семь сосисок в желе. Банка удобная, с завинчивающейся крышкой. Ограничил себя одной сосиской. Продуктов было совсем немно-

го. И требуется достать что-то вроде мелкой сети, не дело по лесу в х/б бегать. Да и шинельку добыть стоит.

Проснулся рано, от звуков многочисленных моторов в небе. Немцы в массовом количестве летели бомбить наши войска. Кофейку бы! Но пришлось обойтись очередной сосиской. А потом руки в ноги и шариться вдоль дороги. Авось что-нибудь стоящее попадетя. Но увы! Правда, искупаться пришлось, так как на одном из многочисленных озерец нашел искомое: сетку и рачевни. Насколько припоминаю, этот способ ловли был под запретом. Раков и карасиков я сложил в одну из рачевен, а сеть забрал не полностью, отрезал себе около трети. Гниловата она была, старая, с большими дырами. Плохо за ней ухаживали. Уха вышла на славу, благо что соль у немца была. Вторым приобретением был небольшой пакет бревен, явно сложенных под сушку на дрова. Топора и пилы не было, пришлось выстуривать клинья и колоть бревна ими, с помощью рычагов и «какой-то матери». Разложив огонь под густой елью, в первую очередь занялся гончарным делом, благо глина на берегу ручья имелась. Сплел корзинку, обмазал ее глиной, чуток подсушил и на огонь. Затем заделал трещинки, нанес тонкий слой жидкой глины, прямо по горячему, и снова в костер. Худо-бедно получилось, выкипал такой котелок быстро, приходилось постоянно доливать воду. Но, как меньшее из двух зол,